

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51
УДК 321.01(045)

Технократические элементы перереформирования идейного поля

И.С. Пятибратов

Финансовый университет, Москва, Россия;
Центр Политической Информации, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается специфика технократии — как способ осуществления управления государством и идеология. С учетом актуальности темы взаимопроникновения технологических достижений и политического процесса очевидна необходимость раскрытия и анализа особенностей и перспектив технократии как политической системы, находящейся на стыке достижений научно-технического прогресса и власти. Технократия рассматривается в трех качествах: в классическом ее понимании, современном прочтении, а также как самостоятельная идеология, технократизм. Автор приходит к выводу, что коммуникативные элементы технократии отвечают интересам развития современного суверенного государства, но как концепция она отягчена большим объемом противоречий идеологического толка, что не позволяет имплементировать ее без притеснения прав и свобод населения.

Ключевые слова: технократия; технократизм; технология; олигархия; научно-технический прогресс

Для цитирования: Пятибратов И.С. Технократические элементы перереформирования идейного поля. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(4):46-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51

ORIGINAL PAPER

Technocratic Elements of Reformatting the Ideological Field

I.S. Pyatibratov

Financial University, Moscow, Russia;
Center for Political Information, Moscow, Russia

ABSTRACT

This article explores the specifics of technocracy as a form of government and an ideology. Given the significance of the topic of the intersection between technological advancements and the political process, it is evident that it is essential to examine and analyze the characteristics and potential of technocracy as a political system that lies at the intersection of scientific and technological development and governance. Technocracy is examined from three perspectives: its classical understanding, its modern interpretation, and as an independent ideological movement known as Technocratism. The author concludes that the communicative aspects of technocracy align with the interests of a modern, sovereign state. However, at the same time, the concept of technocracy is burdened by a significant number of ideological discrepancies that prevent its implementation without infringing on the rights and liberties of the populace.

Keywords: technocracy; technocratism; technology; oligarchy; scientific and technological development

For citation: Pyatibratov I.S. Technocratic elements of reformatting the ideological field. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(4):46-51. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-4-46-51

Вступив в информационную эпоху, перейдя от традиционного производства к «оцифрованному», человечество столкнулось с новыми, ранее неизвестными ему вызовами. Так, в духовной сфере возрастает роль нейросетей, в экономической возмущителем спокойствия стали криптовалюты и NFT, социальная жизнь неразрывно связана с коммуникативными сервисами, такими, как Zoom, а в политике увеличивается интерес к технократии и технократизму — особенно на фоне локдаунов в связи с пандемией COVID-19. Именно технократия и связанные с ней явления выступают объектом данного исследования.

По мнению автора, к определению понятия «технократия» существуют три основных подхода.

Первый — классический — который приписывают инженеру Уильяму Генри Смиту, рассматривает технократию как участие рабочих-профессионалов в принятии политических решений. Прообразом такого рода политической стратификации можно считать концепцию Платона о власти философов. В дальнейшем эта идея имела развитие в трудах Фрэнсиса Бэкона и Торстейна Веблена [1].

Суть данного подхода заключается в том, что политически немотивированный актор, обладающий специальными научными знаниями преимущественно технического характера, способен выносить более рациональные политические решения, в основе которых лежит стремление не к власти, а к оптимизации распределения и применения ресурсов для достижения максимальной отдачи от них в общественной жизни.

Второй подход (назовем его публицистическим) близок к меритократии, то есть к «власти достойных». Согласно данному принципу, властью должны обладать наиболее талантливые люди, безотносительно к их происхождению и социальному статусу. Данный подход к пониманию технократии более широкий, чем классический, и увеличивает пул людей, которые потенциально достойны власти, не акцентируя внимания только на кандидатах, обладающих техническим образованием.

В рамках этого подхода технократ — это не тот, кто руководствуется исключительно принципами рационального мышления, а так называемый «эффективный менеджер» или

«крепкий хозяйственник», то есть руководитель, обладающий высокоразвитыми навыками управления. А максимизации при этом подвергается не полезность принимаемых решений, как в случае с классическим подходом, а качество управления. Именно в таком смысле термин «технократия» зачастую употребляется в российских СМИ, например на фоне выдвижения на губернаторские посты молодых управленцев-«варягов», что стало трендом в последние годы.

Наконец, третий подход — идеологический. Технократию часто представляют как идеологическую платформу, которая выходит за рамки вопросов управления государством, распространяясь на все сферы жизни общества. Данную идеологическую концепцию также называют «технократизмом».

Адепты технократизма считают, что технические знания и закономерно следующие за ними научные достижения — не просто инструмент реализации эффективного управления, а основа развития цивилизации [2]. Математические модели получают онтологический статус [3]. В этом смысле технократизм противопоставляется гуманизму [4].

В мире нет государств, которые за основу своего развития брали бы концепцию технократизма в чистом виде, но его элементы наблюдаются во многих странах. Электронная демократия, сервисное государство — все это укладывается в концепцию технократизма в частности и технократии в целом, ведь так осуществляется реализация государственной власти на основании научных достижений, то есть труда людей, обладающих прикладными техническими знаниями.

В данной работе технократия рассматривается близко к классическому подходу, то есть как политический режим из спектра олигархических. Обратим внимание на то, что уже на этапе формулирования подобного определения технократии неизбежно столкновение с проблемой «демократичности» такой системы управления, ее соответствия современным тенденциям развития общества в большинстве стран мира.

Может ли технократия быть демократичной? В классическом смысле — безусловно нет. Факт присвоения власти лицом или группой лиц при довольно строгом образовательном цензе антидемократичен по определению.

Читатель возразит: народ мог бы участвовать в избрании лидера, даже если допуск для выдвижения кандидатуры на выборах ограничен подобным цензом. Но это вновь расходится с идеалами технократии, ведь не обладающая специальными знаниями публика не способна оценить степень компетентности технического специалиста.

Более того, технократ, согласно классической концепции, не должен иметь политических амбиций — он верховный регулятивный институт, осуществляющий свою деятельность на основе рационального выбора, сама власть ему должна быть не интересна. Фактически при технократическом способе управления государством ликвидируется концепция борьбы за власть, которая лежит не только в основе демократии, но и политики вообще. Ведь политика — это деятельность по захвату, удержанию и распределению власти. Общество, в котором нет элемента борьбы за власть, априори не имеет ничего общего с демократией.

Закономерно, что в технократическом государстве невозможно существование частного рынка, ведь логика его развития предсказуема только на абстрактном уровне, но фактически не позволяет технократу вести полностью прогнозируемую и эффективную экономическую политику, что логично приводит общество к плановой экономике. Гипотетическая альтернативная ситуация, когда технократическое государство сохраняет свободный рынок, ставит представителей власти в зависимость от компаний — производителей продукции, и тогда для снижения трансакционных издержек технократ будет вынужден реализовывать коррупционные схемы, и произойдет сращивание технократической и предпринимательской элит — подобное наблюдалось в нацистской Германии.

Таким образом, технократия — политический режим, при котором население не является источником власти, а сама власть не выступает объектом публичной борьбы, находясь в руках узкого и относительно закрытого круга лиц. Это типичная олигархия, какой она представляется даже в учебниках.

Насколько приемлема такая форма управления — вопрос этики, ведь де-факто нет плохих политических режимов, есть те, которые не оправдали себя. Но совершенно очевидно, что технократия, воплощенная в полном ее содержании, противоречит принятым в совре-

менном обществе ценностям личной автономии и активного участия масс в политической деятельности.

Рассмотрим подход к технократии, обозначенный нами как публицистический. Он имеет гораздо более широкое воплощение в современном мире, в том числе в РФ, когда главами регионов назначают людей, обладающих, в первую очередь, управленческими навыками и не вовлеченных в публичную политическую деятельность.

Оценка эффективности такого подхода не входит в задачи данной работы, но обратим внимание на то, что данный тип технократов не обладает верховной властью в государстве. Его представители ограничены в своих полномочиях и осуществляют задачи, которые перед ними ставят политики. Таким образом, встает вопрос: сохранит ли свою сущность технократ, не обладающий возможностью автономного целеполагания, основанного на достижении максимальной полезности своей деятельности? И способен ли он достичь реальных результатов?

Фактически в таком случае мы говорим не о технократии и даже не о технократах, а о чиновниках, которые нацелены не столько на поступательное развитие вверенной им зоны контроля, сколько на поддержание статуса-кво и укрепление позиций тех, кто обладает реальной властью. Ведь, в отличие от не вовлеченных в публичную политику технократов, их непосредственное начальство — политики, мотивированные отношениями во власти, а не полезностью. Реализация технократии в полной мере возможна только при условии смены приоритетов развития государства, чтобы освободить его от борьбы за власть. Иной способ — использование технократии для консервирования действующего режима.

Это классический пример столкновения *politics* как борьбы за власть и *policy* как управления государством. Технократическая концепция — *policy*, полностью отделенная от *politics*, что не имеет примеров в истории человечества.

В этом контексте технократия — «обертка», скрывающая реальные черты политического режима в государстве.

Означают ли указанные положения, что технократии в современном мире нет? Едва ли. Но ее реализация фрагментарна. Наиболее ярким ее проявлением является все возрастающая роль

современных коммуникативных технологий в процессе осуществления государственной власти. В особенности это касается электоральной сферы, документооборота, а также взаимодействия между представителями власти и населением.

Наиболее ярко этот тренд проявился во время пандемии COVID-19, когда с целью недопущения распространения вируса правительства многих стран прибегли к электронным средствам контроля за населением. Данный комплекс мер, являясь опрессивным, продемонстрировал свою эффективность в случае широкомасштабного применения [5].

Примечательно, что опыт применения таких методов и средств имеет свойство аккумулироваться, что ведет к постепенной трансформации государственного аппарата во все более технологичные формы. Тем не менее технократизации подвергаются лишь отдельные, чисто инструментальные элементы деятельности государства, — сущностных изменений во властных отношениях между субъектами и объектами политики не прослеживается. В связи с этим можно констатировать лишь интеграцию некоторых технократических атрибутов, но не переход современного общества к технократическому способу управления государством.

Достоинством внимания является тот факт, что даже эти ограниченные в своем применении элементы технократии воспринимаются многими как проявления «технологического фашизма», не просто ограничивающего людей в некоторых аспектах жизни, но направленное на сокращение населения земли и полное подавление воли человечества. Такие «теории заговора», когда утверждается, что пандемия COVID-19 является спланированной акцией, нацеленной на установление глобального тоталитарного контроля, возникли, например, вокруг программной работы директора ВЭФ Клауса Шваба «Великая перезагрузка» [6].

Подобный отклик на интеграцию достижений научно-технического прогресса в механизмы управления государством не является аномальным или присущим лишь узкой прослойке необразованных «заговорщиков». Идея построения общества на принципах научного детерминизма прослеживается в таких классических антиутопических произведениях, как «Мы» Евгения Замятина или «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли [7]. В данных работах ги-

пертрофированные технократические режимы противопоставляются свободолобивой человеческой природе, не терпящей жесткого регулирования частной жизни. Важно понимать, что это не технофобия, а закономерная боязнь того, что осуществление управления обществом лишь на основе принципов рационального мышления может привести к формированию тоталитарного государства. Ведь, как отмечалось выше, многие из основных идей технократии идут вразрез с демократией и леволиберальными ценностями, основанными на политическом участии и свободе личности. В связи с этим такие опасения более чем оправданы, в особенности на фоне того, как технократические элементы все отчетливее проявляются в политике таких стран, как Китай, «система социального кредита» которого не раз подвергалась критике. Хотя стоит признать, что китайский подход к оценке жителей страны по различным параметрам сущностно мало отличается от кредитного скоринга, принятого в банках по всему миру.

Из вышесказанного очевидно, что технократия — крайне противоречивая концепция. С одной стороны, она призвана рационализировать распределение ресурсов в государстве, сделав их использование максимально эффективным. С другой стороны, — это политический режим, подразумевающий не просто передачу гражданами госаппарату ряда свобод в обмен на безопасность, но практически полный отказ от автономии личности. Каждый подданный технократического государства может из человека, о котором заботится государство, трансформироваться в того, кто поддерживает его жизнедеятельность, причем только в той степени и тем образом, который ему отведен архитектором подобной государственной системы. В подобном виде технократия закономерно вызывает отторжение у многих людей на этическом уровне. Потому идеологизация технократии — опасное занятие, потенциально ведущее к зарождению тоталитарного общества.

В то же время отдельные элементы технократии уже проявляются в политической жизни многих современных государств, не ведя к деноминации прав и свобод граждан, а, напротив, повышая доступность многих государственных институтов и упорядочивая коммуникацию с ними. Технократические принципы являются своего рода аддоном, но не базой политического

режима. В этом качестве адаптация успешных технократических практик — фактор плодотворного развития управленческого аппарата.

Применение же принципов технократии при рекрутировании чиновников среднего звена видится неэффективным, ведь, по сути, технократия подменяется меритократией, а принципы технократизма становятся ширмой, за которой скрываются традиционные способы реализации государственной власти. Такие практики, даже если имеют определенную пользу, к реальной технократии имеют очень условное отношение и скорее являются продуктом новых социальных лифтов.

Итак, мы приходим к выводу о том, что наиболее адекватным воплощением принципов технократии в современных реалиях высту-

пает интегрирование продуктов научно-технического прогресса в процессы политической коммуникации. Это одновременно делает коммуникацию государственных институтов более эффективной и сокращает дистанцию между государственным аппаратом и гражданами. То есть фактически в такой конфигурации технократические практики способствуют росту прозрачности госаппарата и демократизации политической системы в целом. При этом осуществляется принцип рационализации использования ресурсов, столь важный для технократии, ведь цифровизация гораздо более экономична в отношении и временного, и природных ресурсов. В то же время подобное частичное осуществление технократии как сервиза лишено идеологически спорной нагрузки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Юнмоу Л. Технократия в США и Китае: теория и практика китайской экспертной политики в эпоху нанкинского правительства (1927–1949 годы). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-v-ssha-i-kitae-teoriya-i-praktika-kitayskoy-ekspertnoy-politiki-v-epohu-nankinskogo-pravitelstva-1927-1949-gody>
2. Твердынин Н. М. Технократизм и технофобия: соперничество на протяжении всей истории цивилизации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratizm-i-tehnofobiya-sopernichestvo-na-protyazhenii-vsey-istorii-tsivilizatsii>
3. Миронов А. В. Технократизм — вектор развития глобализации. М.: Макс Пресс; 2009. 132 с.
4. Кулюткин Ю. Н. Технократия и гуманизм. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-i-gumanizm>
5. Li. Y., Undurraga E., Zubizarreta J. Effectiveness of Localized Lockdowns in the COVID-19 Pandemic. URL: <https://doi.org/10.1093/aje/kwac008>
6. Goforth C. Trudeau speech reignites conspiracy theory fervor over “Great Reset”. URL: <https://www.dailydot.com/debug/great-reset-conspiracy-theory/>
7. Богомазова Н. Л. Мир цифры XXI века: философско-культурологический анализ романа-антиутопии Евгения Замятина «Мы». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsifry-xxi-veka-filosofsko-kulturologicheskiy-analiz-romana-antiutopii-evgeniya-zamyatina-my>

REFERENCES

1. Yongmou L. American technocracy and Chinese response: Theories and practices of Chinese expert politics in the period of the Nanjing Government (1927–1949). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-v-ssha-i-kitae-teoriya-i-praktika-kitayskoy-ekspertnoy-politiki-v-epohu-nankinskogo-pravitelstva-1927-1949-gody> (In Russ.)
2. Tverdynin N. M. Technocratism and technophobia: rivalry throughout the history of civilization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratizm-i-tehnofobiya-sopernichestvo-na-protyazhenii-vsey-istorii-tsivilizatsii> (In Russ.)
3. Mironov A. V. Technocratism — a vector of globalization development. M.: Maks Press; 2009. 132 p. (In Russ.)
4. Kulyutkin Y. N. Technocracy and humanism. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnokratiya-i-gumanizm> (In Russ.)
5. Li. Y., Undurraga E., Zubizarreta J. Effectiveness of Localized Lockdowns in the COVID-19 Pandemic. URL: <https://doi.org/10.1093/aje/kwac008>

6. Goforth C. Trudeau speech reignites conspiracy theory fervor over “Great Reset”. URL: <https://www.dailydot.com/debug/great-reset-conspiracy-theory/>
7. Bogomazova N. L. The Digital World of the 21st Century: Philosophical and cultural analysis of E. Zamyatin’s dystopian novel “We”. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mir-tsifry-xxi-veka-filosofsko-kulturologicheskiy-analiz-romana-antiutopii-evgeniya-zamyatina-my> (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Иван Сергеевич Пятибратов — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; ведущий аналитик, Центр Политической Информации, Москва, Россия

Ivan S. Pyatibratov — Cand. Sci. (Pol.), Senior Lecturer at the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia; Leading Analyst, Center for Political Information, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3652-8483>

ISPyatibratov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.03.2024; принята к публикации 30.03.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.03.2024; accepted for publication on 30.03.2024.

The author read and approved the final version of the manuscript.